

P2
M14

павел майский

сарбалинская
рапсодия

P2
M14

павел майский

сарбалинская рапсодия

СТИХИ

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1972

Сарбалинская библиотека
им. А. С. Пушкина
Дворца культуры
г. Кемерово Кемеровская обл.

65480 - 09
08459
2
2
2

P2

Художник Н. КОФАНОВ

7-4-2

28-M72

Автор этого сборника всей своей жизнью и работой связан с Сибирью: родился (1937 г.) в Кузбассе на прииске «Центральный рудник», окончил Сибирский металлургический институт, работал горновым доменной печи. Сейчас Павел Майский работает в институте «Сибгипромез» главным инженером проекта, он — лауреат премии Совета Министров СССР 1971 года. Павел Майский заочно учится в Литературном институте им. Горького.

«Сарбалинская рапсодия» — его вторая книга. Первая («Взмах крыла») издана в 1967 г.

* * *

Я по улице старого прииска
Сделал первые в жизни шаги...
Я был самым маленьким принцем
Мариинской глухой тайги.
Перед сном меня кедры нянчили,
Птицы пели мне поутру,
Волкодавы с глазами щенячьими
Обучали меня добру.
Обучали с рабочей строгостью
Делу разному муравьи,
Обучали любви и скромности
Откровенные соловьи...
Даже змеи, на что уж гады,
На сто лет научили впредь
Не соваться куда не надо
И под ноги чаще смотреть...
И в меня до последней строчки

У загадочных лисьих нор
Та наука входила прочно,
Как в смолистую ель топор...
Та наука вошла мне в душу...
И теперь, я ничуть не лгу,
На медведя пойти не струшу,
А цветок сорвать — не смогу.

* * *

Когда зима входила в наш поселок,
Сугробы наметая у дверей,
Мне снился лес: зеленый и веселый,
Такой, как на картинках в букваре.
И с октября до самого апреля,
Пока дожди не грянут с высоты,
Я рисовал веселой акварелью
Зеленый лес и красные цветы.
А мама говорила удивленно,
Мои картинки радостные взяв:
— Нельзя же лес всегда таким зеленым
И красными цветы всегда нельзя...
И небо не бывает только синим...
Нигде на свете не бывает так...
Теперь я вырос. Стал большим и сильным.
И видел остальные все цвета.
Но черный угнетал меня, как тучи,

А белый раздражал, как пустота.
А серый... Он был просто очень скучный,
А я люблю веселые цвета!
Коричневый всегда был не на месте,
А желтый состоял из чепухи...
А остальные были просто смесью
Веселого, хорошего с плохим...
Я видел все. Но если б попросили:
— Возьми и нарисуй, что видел ты...
Я вновь нарисовал бы небо — синим,
Зеленым — лес и красными — цветы!

* * *

Поутихли скворцы в огороде,
Ветер с севера гонит грозу,
По разбитой таежной дороге
Прошлогоднее сено везут,
По крутому зеленому склону
Сходят гуси тропинкой к реке...
Я стою у знакомого дома
С сигаретой в дрожащей руке...
Я вернулся. Чего ж еще надо?
Годы сделали дело свое.
У избы, покосившейся набок,
Ветер сушит чужое белье.
Позабыв про объедки на кухне,
С удивлением смотрит щенок,
Как блестящие черные туфли
Я снимаю с изнеженных ног

И встаю я ступнями босыми
На траву, будто это жнивье.
Ты прости меня, блудного сына,
Непорочное детство моё!

* * *

Мы не всегда идем к желанной цели,
Любви порой не можем сохранить,
При жизни — матерей своих не ценим
И друга не приходим схоронить.
Мы просто равнодушными бываем
И, расставаясь с собственной мечтой,
Самих себя, как личность, убиваем
Тщеславной каждодневной суетой,
А после, оправдать себя стараясь,
Не расправляя гордых наших крыл,
Мы от себя же прячемся, как страус,
Двадцатым веком голову прикрыв...
При чем тут век? Мы — люди, не моторы,
Мы на своем работаем тепле.
Нам должно помнить каждый крематорий
И каждую травинку на Земле!

* * *

Мы с тобой боязливо стареем,
Безнадежно стареем, хоть плачь!
Гильотиною падает время —
Беспощадный судья и палач...
Все, наверное, так же старели,
Всех, наверно, терзал этот страх,
Кроме тех, что за ересь сгорели
На высоких церковных кострах,
Кроме тех, кто в застенках не спянул,
Кто не дрогнул под свистом клинка,
Кто домой не пришел в сорок пятом...
Перед ними бессильны века!

* * *

По зову чести, совести и правды,
Поднявши справедливости копье,
Спешу к тебе не требовать награды,
Высокое Отечество мое,
А чтобы в день, который чист и светел,
Став на колено, возложить, как встарь,
Всё, чем живу на этом белом свете,
На вечный твой негаснувший алтарь...
Одна надежда в сердце не остыла,
Все остальное в жизни заслоня:
Что, может быть, своим любимым сыном
Ты назовешь когда-нибудь меня!

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

От пролива Кука до Босфора
Я бросал с салютом якоря,
Отражались в лаковых ботфортах
Мною покоренные моря.
А в портах, куда мы заявлялись
Бочку рома выдуть от тоски,
Безнадежно девушки влюблялись,
И стрелялись с горя женихи...
Я водил в атаку за собою
Голубей гусарский эскадрон,
Развевался по ветру соболий
Ментик мой, расшитый серебром...
Трубачом в гражданскую войну я
Проскакал от Крыма до Курил,
Мне за это шашку именную
Командарм Буденный подарил!..
В сорок пятом где я только ни был!

Брал Берлин, на Краков наступал,
Трижды помирал под чьим-то небом
И однажды — без вести пропал...
А в науке (вот была где драка)
Я бессмертный подвиг совершил:
Изобрел прививку против рака
И перпетуум мобиле решил!
Я шагал, торжественный и гордый,
К встречным снисходителен, как лев,
И сиял в моей петличке орден —
Самый главный орден на Земле!
Отчего ж теперь, ботфорты сбросив,
Я кручусь, как белка в колесе?
Я не знал, что тоже стану взрослым
И обыкновенным, как и все.

ЛОТЕРЕЯ СУДЬБЫ

62730 —
—
Рулётку судьбы не крутите,
По-честному будет игра:
Любые, какие хотите,
Берите себе номера.
Возьмите, особая личность,
Единственный номер Один,
Возьмите Пятерку, отличник,
В обиду мы вас не дадим.
Возьмите Шестёрку, чиновник,
Надёжнее номера нет...
Но только Тринадцатый номер
Оставьте, пожалуйста, мне.
Оставьте мне номер Тринадцать,
С которым возможности нет
За чьей-то спиной укрываться
И ехать на чьей-то спине.

2 Павел Майский

17-я детская библиотека
им. А. С. Пушкина
Дворца культуры
г. Казань, Казанская обл.

Всегда отвечать за кого-то
Написано нам на роду.
Оставьте мне чью-то заботу,
Оставьте мне чью-то беду,
Оставьте мне горькую правду,
Разбившую чьи-то сердца...
Оставьте мне гордое право
По совести жить до конца...
Я справлюсь. Я буду стараться,
Я жизнью своей заплачу...
Оставьте мне номер Тринадцать,
Я выиграть счастье хочу!

ГОРНОВОЙ

Во всём, как дома,
Он был уверен.
Питала домна
К нему доверие,
К большому, прочному,
К работе жадному,
В спецовке войлочной
Цвета ржавчины...
Но как-то домна
Шла с перекосом,
Швыряла долго
Горячим коксом.
И отступили
Борьбой измученные,
Обессиленные
Его подручные.
А он, какой-то невозгораемый,

В огне спокойно
С ней разговаривал...
То злил, вонзая
Ей пику в горло,
И шлак слезами
Катил из горна,
То слушал долго
Её, как доктор,
И кислорода давал ей вдоволь...
Она мучительно
Шла на поправку,
А он подсчитывал
Потери в плавке
И шел, огромный,
Огню навстречу,
Готовый домну
Взвалить на плечи,
Готовый сдвинуть
Ковши рукой...
Мы все завидовали
Любви такой!

**БАЛЛАДА
О КОМИССАРСКОМ КУБИКЕ**

Погиб под Ржевом на рассвете
Голубоглазый комиссар...
Я обо всем писал на свете,
Но лишь о нём не написал.
И, словно письма без ответа,
(Куда писать, искать кого?)
В столе лежали четверть века
Четыре кубика его.
Четыре кубика лежали,
Брала их мама иногда,
И руки мамы дрожали
От этих писем в никуда...
За четверть века в доме нашем
Не счесть потерянных вещей...
Но вот беда пришла однажды —
Один из кубиков исчез!

Покоя прежнего лишён,
Я поднял все вверх дном — напрасно:
Исчез четвертый, самый красный...
Не сам же он на фронт ушел?
Я ночь ворочался в кровати:
Подумать только, был и — нет!
А чуть заря, племянник Вадик
Верхом на прутике ко мне
Влетел и саблей рубит, рубит.
Направо-«во»! Налево-«во»!..
И красный кубик, красный кубик
Горит на курточке его!

* * *

Как встречает нас Москва белокаменная!
Точно лебеди в пруду облака над ней...
Сохраняя от дурного глаза вражьего,
Храмы древние стоят, точно стражники,
И надвинуты шеломами тяжёлыми
Золотые купола на их головы...
А с холмов лучится Кремль чудо-красками
И, как совесть, перед ним — Площадь
Красная!

* * *

Я революции не делал
И кровь в боях не проливал,
Я в сорок пятом, в честь Победы,
Из «пугача» салютовал.
Я ровно двадцать лет учился
На государственных харчах,
И только тем я отличился,
Что добросовестно учился
И шире многих был в плечах...
Я перед Родиной в долгу
За каждый час, что мною прожит...
Одно меня теперь тревожит:
Вдруг долг вернуть свой не смогу?

* * *

*Светлой памяти
Леонида Сергеевича Соболева*

При помощи седого парика
И времени искуснейшего грима
Природа в каперанга-старика
Хотела превратить гардемарина.
Да, знать, не всё природе по плечу,
Свидетелем тому молва мирская.
Старело только тело, но ничуть
Не старилась душа его морская.
И всякий раз, когда Девятый вал
Свет солнца застилал в небесной сини,
Он лишь сильнее стискивал штурвал
Писательского флагмана России.
Он требовал порой сверх всяких сил,
И справедлив ко всем был в равной мере:

Талантам — лично чарку подносил,
А бездарь — лично списывал на берег.
Он доблестно служил свсей Отчизне
И верен был традициям морским...
Таким писатель Соболев при жизни
Во мне остался... И умрет таким!

* * *

Спасибо, одиночество, за правду,
Бесхитростно поведенную мне...
Я повторюсь потом, как эти травы,
Как этот пестрый камешек на дне,
Как утреннего ветра дуновение,
Что щек моих коснулось в этот миг...
Что прожил я? Всего одно мгновение.
Что я постиг? Желанье жить постиг.
Я знаю — как свеча, растает тело.
Я знаю — ситцем выцветут глаза.
И как бы жить потом ни захотел я,
Дороги нет, отжившему, назад.
Кому потом слинялый ситец нужен,
И кто зажжет сгоревшую свечу?
Никто. Уже никто... Так почему же,
Безумец, я сильнее жить хочу?!

* * *

Роману Солнцеву

Он стоит, математик,
У окна в полутьме,
Пожилой, неженатый
С головою, как мел.
А за окнами — сырость,
Горечь девичьих губ
И зелёные цифры
На апрельском снегу...
Брось ряды, математик,
Ни черта не считай,
Не ходи, как лунатик, —
Детектив почитай.
Для чего этот вечер,
Этот тающий снег,
Для чего бесконечность?

Бесконечного нет.
И ряды, математик,
Автоматам нужны.
Для чего автоматы,
Если нету жены?
Стены ходят по кругу...
Математик устал.
Стонут девичьи губы
На любимых устах...
Он не дрогнет,
Он курит...
Но табак — как трава...
А соседи на кухне
Пьют семьей самовар.

* * *

Мы на мечту порой летим отважно,
Как птицы на оконное стекло...
Застигла и меня весна однажды
На деревенской улице врасплох.
Невестами кружились в небе вербы,
Шли облака, как путники в степи,
И я застыл, подобно Гулливеру,
Одной ногой ручей переступив.
Ручей кипел, страстей весенних полон,
И выбегали на простор волны
Из-за забора восьмилетней школы
Беспечные бумажные челны.
У самых ног они скользили мимо,
Кормюю зачерпнув на быстрине...
А солнце так пекло неумолимо,
Что шевелился угреватый снег
И отползал в тенистые наделы,

Награбленное с осени открыв.
И лопались сосульки то и дело
По бахrome веселых мокрых крыш!..
От кузницы катил мужик колеса,
Старик на мир взирал из-за плетня...
И чувство небывалого полета
Пронзило вдруг, бескрылого, меня!
Поплыли ручейки, скользнули крыши,
У самых ног березы пронеслись...
И я взлетал все выше, выше, выше
Над бездной опрокинутой земли!
И вот уже внизу знакомый домик,
В котором жил когда-то, не найду.
Дороги — как морщины на ладони,
А речка — точно трещина во льду.
А за спиною шелест крыльев слышен.
И ветра свист, как осенью в садах...
Ах, если бы еще подняться выше!
Ведь вся земля откроется тогда,
Вся сразу, от закатов до рассветов,
От зимних вьюг до ландышей весны...
О, я тогда без помощи поэтов
Постиг бы мимолётной жизни смысл!
О, я тогда без помощи ученых

Открыл бы то, что гений не открыл
Но капал воск на землю обречённо
С моих тяжелых самодельных крыл...
И помню все отчетливо теперь я,
Когда уже прошло немало лет:
Кричат скворцы, кружат над лесом перья,
И я лежу, счастливый, на земле.
От радости лицо в ладони прячу,
Нет, не лицо — мечты своей лоскут, —
А слезы по щекам моим горячим,
Как ручейки весенние, текут!

САМОКРИТИЧНОЕ

(шутка)

С каждым годом меньше хвалят,
С каждым годом бьют сильнее...
Может, хватит? Может, хватит!
Я ведь тоже стал умней.
Под критическим-то взглядом
Рисоваться не люблю,
Чуть чего — возьму и лягу,
А лежачего не бьют.
Даже критик самый шибкий
Надо мною пропоёт:
— Признает свои ошибки
И чужие признаёт!
Не щадит своей особы,
Там куёт, где горячо...
В общем, я поэт способный,
Даже пишущий ещё

Только стал я очень слабым
И здоровье берегу.
А не то взаправду слягу
И подняться не смогу!

* * *

Пегасу что? Поэты ж — смертные:
Родился, вспыхнул и — погас...
Сошел с Пегаса незаметно я,
Чтоб оборжать не смог Пегас,
И в тихой заводи устроился
С утра отмаливать грехи...
И я настолько успокоился,
Что перестал писать стихи...
Но вот беда: в лесу ли, в поле ли,
Где раньше кругом голова,
Теперь я вижу (и не более) —
Одни дрова, одна трава...
А в городах, в которых раньше
Куда ни глянешь — терема,
Теперь я вижу — автотранспорт
И одноцветные дома.
Я тот же самый: ноги, руки,

Глаза и уши — всё при мне,
Я вижу цвет, я слышу звуки,
А света нет, а песни — нет!
И голова ничуть не кружится...
Не понимая, что со мной,
Я побежал, объятый ужасом,
От этой заводи чумной
Туда, где звезды гаснут с песнями
И ржет над пропастью Пегас,
Где жить легло, светло и весело.
Родился, вспыхнул и — погас!

* * *

В частоколе синих сосен
Стынет розовый закат...
По двору шаманит осень,
На столе — колода карт.
Что-то будет. Что-то будет!
Да не знаю что пока.
Короля достану бубен,
Поверчу его в руках.
И гадаю, и гадаю...
Кто б другой — сошел с ума:
То болезни выпадают,
То казённые дома...
Только я к тем картам строгий,
Растасую их и — вновь...
Знаю — выпадут дороги
И счастливая любовь!

* * *

Как в прочитанном романе,
Все осталось позади:
Пятигорские туманы,
Трускавецкие дожди
И кавказская ривьера,
И Провала грустный свод,
И Пустильникова Вера —
Королева Кавминвод...
Мы знакомились, влюблялись,
Разомлев от благ земных,
По соляриям валялись
На матрацах надувных,
Причащались по бюветам,
Рвали яблоки в садах
И обедали в буфетах
На прогулочных судах...

А потом мы все расстались
И подняли паруса...
Телефоны лишь остались,
Да остались адреса.
Но поскольку в общем списке
Я ничем не знаменит,
Мне никто не пишет писем
И никто мне не звонит...

* * *

Ах, красавица невеста,
Неужели до сих пор
Вам, невестам, неизвестно,
Что мужчины — слабый пол?
А для вас такая радость
Мимоходом, без причин
Ранить, зная нашу слабость,
Сердце девичье мужчин!
Сколько нас с тоскою вдовьей,
Издеваясь над собой,
Ходит, раненных любовью
И контуженных судьбой!
Сколько, пищи не касаясь,
(За друзьями я следил)
Укротителей красавиц
В клетках собственных сидит!

А достигнувшие цели
И познавшие любовь
Безнадёжно полысели
И остались без зубов...
Пощадите ж вашу жертву,
На коленях вас прошу...
Лично я красивых женщин
За три дома обхожу.

* * *

Люди тоже всякими бывают,
Есть и подлецы в конце концов...
Жаль, что на дуэль не вызывают
Нынче этих самых подлецов.
Может быть, не стоит огорчаться:
Что ему дуэли, подлецу?
Лучше кулаком, а не перчаткой
Бить его открыто по лицу.
Что дуэль? В ней мало было пользы,
От дуэлей было только зло:
Честные всегда стреляли в воздух,
Подлецы зато — стреляли в лоб!

ПОСЛЕБОЛЬНИЧНОЕ

Живите с миром, мальчики,
Ни пуха, ни пера!
Прощай, больница-мачеха,
Пижоны-доктора!
Еще пройдуь по лужицам,
Как в детстве, босиком,
Еще стихи получатся
Звончей, чем до сих пор...
Еще такие песни я
С друзьями буду петь!
Не доживут до пенсии
Враги мои теперь.

АМУРСКАЯ ИСТОРИЯ

*Кате Смуратовой,
стюардессе
Хабаровского аэропорта*

На Амуре, возле дебаркадера,
Злгорая на песчаном скате,
На основе пляжной демократии
Я на «ты» разговорился с Катей.
При часа знакомства — это много.
Если говорить начистоту,
Злгореть период даже можно
Злгореть спине и животу,
Рассказать, что я в Сибири с детства,
Здесь — в командировке нахожусь,
Выяснить, что Катя стюардесса
И что я в пилоты не гожусь.
По волнам скользили теплоходы,
Разрезая тень от облаков...

Катя засмеялась: — Ты попробуй
Искупайся... Может, глубоко?
Я — таёжный парень от природы,
Ощущать привык ногами дно,
Но нырнул бесшумно и проворно,
Как самоубийца за окно...
Я тонул по правилам науки —
Ноги вниз, снаружи две руки.
Так, как я, конечно, если нужно,
Перетонут все сибиряки.
Как она меня тогда спасала
И откуда силы набралась?
А когда спасла, тогда сказала:
— Не умеешь плавать, так не лезь!

* * *

Женщина ничем не выделялась,
И никто по женщине не сох...
Женщина подолгу одевалась,
Пудрила усталое лицо,
Подводила тщательно ресницы,
Выбирала лучшие духи...
Женщине давно уже за тридцать,
И ушли, заждавшись, женихи.
На работу уходила рано,
В воскресенье отсыпалась вдоволь...
Но порой в глазах светилась радость,
Забывалась даже участь вдовья:
Вваливались запросто и шумно,
Свертки оставляя у порога,
Парни в авиаторских тужурках,
Запах неба принося с дороги!

Хлопали бутылки беззастенчиво,
Облаком висел табачный дым.
И тогда лицо у этой женщины
Становилось очень молодым.
И тогда она кружилась в вальсе,
Пьяная от дружбы и вина...
И смотрел со стенки штурман Вася,
Радуюсь, что кончилась война.

* * *

Ярошенкова тётя Паша,
Под косынку укрыв глаза,
Уходила чуть свет на пашню,
Помолившись на образа.
А под вечер входила боком,
Чуни выставив за порог,
И молила от сердца бога,
Чтобы бабьему горю помог...
Да молила, видать, без толку:
Не послал ей господь добра —
В сорок третьем издохла тёлка
И корову медведь задрал.
И колхозница тетя Паша
До последнего дня войны
Пробавлялась овсяной кашей
Да пекла еще деруны...

Только это еще не горé,
Горе выпало ей потом —
Не вернулся с войны Егорий
В тетипашин добротный дом...
С похоронной вошла она в горницу,
Тяжко глянула на образа:
А у господ за Егория
Хоть бы выглянула слеза.
Что он знал об овсяной каше,
Что он в людях мог понимать?
И ударила тетя Паша
Об пол господ-бога-мать!

* * *

А случилось однажды вечером
Необычное в том городке:
Мы с тобой, случайные встречные,
Прикоснулись щека к щеке...
А потом уже, рука об руку,
Откровенные, как во сне,
По земле пройдя, как по облаку,
Заблудились в одной сосне...
Ты цветы рвала целый день потом,
Улыбалась мне с высоты...
И впервые мной было понято,
Почему на земле цветы.

* * *

На черте своих высоких комнат,
Лунный свет глазами заслоня,
Ты одна из всех моих знакомых
Ни о чем не спросишь у меня.
Только дверь прикроешь тихо следом
И замрешь, от сумрака дрожа...
Губы твои, пахнувшие снегом,
Половодьем сердце закружат.
И качнутся рубленые стены,
И споткнутся в роще соловьи...
О, как пахнут августовским сеном
Стриженные волосы твои!

* * *

В ту ночь прошли по городу дожди,
Ворочались снега на черных крышах...
В ту ночь я крепко спал и не услышал,
Как ты вошла, прижав письмо к груди.
Ты надо мной склонилась. Нежным светом
Сияли твои скорбные глаза.
Ты вся была готова для ответа,
Но я тебе ни слова не сказал.
Я крепко спал. И снились мне березы,
И яркие мохнатые цветы,
И легкие, прозрачные стрекозы,
И облака... И солнечная ты.

Твой смех звенел в бездонной вышине,
Чуть вздрагивали худенькие плечи...
Ты, узкими ладонями ко мне
Протягивая руки, шла навстречу...
И я летел под шелест облаков.
Кричал. Но слов моих никто не слышал.
Они остались где-то далеко,
У самых звезд, а может, даже выше...
Проснулся я, разбуженный капелью,
Входила в окна новая весна...
Случилось это первого апреля.
Ты не пришла. И не было письма.

* * *

Не терзала нас разлука,
Не желал никто нам зла.
Получилось как-то глупо:
Я ушел, и ты ушла.
Может, ты погорячилась,
Я характер не учел?
Все равно была причина,
Просто так бы не ушел!
Думал я, что станет легче
Через пять хотя бы лет.
Это врут, что годы лечат.
Я сильнее заболел...
Почему мы друг без друга?
Справедливость где найти?...
От тебя уйти нетрудно,
От себя куда уйти?

* * *

Я думал о тебе бессонными ночами,
За тридевять земель летел к тебе в мечтах!..
Но это было все, естественно, вначале.
А вышло все потом, естественно, не так.
Я с той поры ищу толкового совета —
Что делать мы должны для счастья своего?
Но даже старики и мудрые поэты —
Никто на этот счет не знает ничего!

**ЭТЮДЫ ИЗ ЦИКЛА
«ВРЕМЕНА ГОДА»**

Январь

Метет метель... По всей деревне,
Куда ни глянь — белым-бело.
Уже окрестные деревья
До веток снегом замело.

И не видать нигде дороги,
И свет не гасят по утрам,
И всюду прыгают сороки
По обезлюдившим дворам.

Апрель

В перелесках снег растаял,
По логам журчат ручьи,

По дороге бродят стаей
Черномазые грачи.
Тянет с юга теплым ветром,
И, который день подряд,
По утрам над речкой вербы
Светлым пламенем горят!

М а й

Поросла медуницей и кашкой
Прошлогодняя тропка в лесу...
Две веселые пестрые птички
По солоmine в клюве несут.

А на ближней горе, за опушкой,
В фиолетовой дымке берез,
Так надрывно кукует кукушка,
Что становится грустно до слез.

Октябрь

Ель склоняется над кручей,
Дым в ущелье затонул,

И тяжелой чёрной тучей
Ветер небо затянул.

Кружат листья вереницей,
А в кустах, у ручейка,
Тихим посвистом синица
Снег зовет издалека.

САРБАЛИНСКАЯ РАПСОДИЯ

Сарбалинская рапсодия,
Сеновальные стихи...
На меже стоят подсолнухи —
Прогревают лопухи.
Ходят куры, как вареные,
Головами набекрень,
Ходят удовлетворенные,
Пересиливая лень.
Травы спутаны, некошены,
Ни просвета до межи...
Мне косить пока не хочется,
Я литовку отложил.
До чего же удивительно
В Сарбале на этот счет:
Даже солнышко не движется,
Даже речка не течет.
Мне работать надо, дурню, бы,

А я вовсе не спешу.
Все лежу себе и думаю:
«Вот возьму и опишу.
Опишу возьму и завтра же
Или лет так через сто
Отошлю стихи редактору.
Не поверит ни за что
В то, что солнышко не движется,
И что речка не течет...»
До чего же удивительнс
В Сарбале на этот счет!

Там сейчас уже солнце садится,
Тянет мятой с росистых полей,
И нахохленные синицы
Копшатся в сырой конопле.
Тяжко-тяжко вздыхают коровы,
Пережёвывая луну...
А девчонки, в чулках капроновых,
Лепестки от ромашек рвут
И, бросая их в реку, загадывают...
И у клуба, на танцплощадке,
Гармонист, глаза закатывая,
Раздвигает меха трехрядки...
Там с утра было много событий,
А теперь наступает ночь.
Моим детством, давно забытым,
Чердаки наполняются вновь...

И в полях то громче, то тише
Неустанно с утра до утра
Воркотней голубиной над крышей
Рассыпаются трактора.

* * *

Брату Игорю

Наш дом стоял на берегу тайги,
Как старый бриг в заливе Провиденья...
И по ночам в нём слышались шаги,—
По чердаку ходили привиденья.
А по углам, где собирался страх,
Казалось, кто-то шелчет, кто-то стонет..
Но что зато творилось по утрам,
Когда мы просыпались в нашем доме,
Когда золотоструйный водопад
Врывался к нам оттуда, извысока!..
Отплясывали бабочки гопак
На хрустале росой умытых окон,
И зайчики, пробравшись по постели,
Взволнованно дрожали на плече...

И слышно было — рябчики свистели
За огородом, в мокром пихтаче...
И виделась чудесная картина
Нам в доме том: по тропке с бугорка
Спускается вприпрыжку Буратино
С красивой новой «Азбукой» в руках!

*

Страшнее всех стихийных бедствий,
Когда на сердце по весне
Вдруг ляжет прожитое детство
Негаданно, как первый снег.
Тогда неведомо откуда
Вдруг всё всплывет до мелочей,
До рукомойника на кухне,
До бабушкиных куличей.
И, ощутив штанишек ляжки,
Репья колючки на чулках,
Я в этот миг увижу ямки
На пухлых маминых щеках.
Потом мелькнут ребята стайкой,
Как пескари на быстрине...
И мне тоскливо сразу станет,
И вдруг понятным станет мне,

Что оттого-то и молчитса,
А не поется соловьем,
Что папа, мама и мальчишки —
Всё это больше не моё.

* * *

Случится это раз в году:
Метнётся туча щучьей тенью,
Дожди высокие пройдут
По васильковому цветенью,
И долго громы вдалеке
Ворчат потом за лесом где-то,
И звонко радуги в реке
Под солнцем плещутся, как дети...
Тогда, замкнув желаний круг,
Сойдя с проторенной тропинки,
Ты остановишься и вдруг
Увидишь каждую травинку
И каждый блик на облаках...
И неожиданно услышишь
Гуденье каждого жука
И робкий шорох каждой мыши...

И станет полон сладких мук
Неповторимый этот час твой...
Как редко в собственном дому
Мы замечаем наше счастье!

* * *

Бывало сядем на скамейку мы.
Деревня спит давным-давно...
Гитару старую с наклейками
Настроит Валька на минор,
Откинет голову торжественно,
Слегка по струнам проведёт
И запоёт про чью-то женщину,
И про измену запоёт...
А я припомню дни счастливые
Была любовь, чего таить!
Припомню синие, смешливые
Глаза греховные твои
И поцелуй морозным вечером
В круженье медленном снежка...
И станет мне легко и весело
От грустной песенки дружка!

Снег на улице! Снег на улице...
На домах. На тебе. На мне...
Ах, какой он великий умница,
Этот белый, пушистый снег!
Словно крыльями машут гуси,
Белоснежные ткнут холсты...
Под орган бы ему, под гусли
Надо падать так с высоты!..
Не вчера ли кричали вороны
В почерневших полях: — Вр-р-ранье...
Как он выпал сегодня вовремя —
Разлетелось все воронье!
И висят на сухих подсолнухах,
Точно капельки от зари,
Работящие и весёлые
Синеглазые снегири.

* * *

От стылого ветра спросонок
Слезились глаза на ветру,
Когда за лосихой лосёнок
Спускался к ручью поутру.
В логу, возле сохлой осины,
Где много мышиных следов,
Ему прорубала лосиха
Копытом молочный ледок.
И он прикасался несмело
Губами к ручью, и тогда
От счастья в глазах зеленело —
Травой отдавала вода!
А солнце вставало над лесом
Веселое, яркое, но...
Совсем не такое, как летом —
Нисколько не грело оно...

И с грустью лосёнок дивился
Беспечному солнцу тому:
Зачем этот снег появился
И холодно так почему?

И с грустью лосёнок дивился
Беспечному солнцу тому:
Зачем этот снег появился
И холодно так почему?

* * *

Иногда мне ничего не надо,
Лишь бы только утром, в пять часов,
Солнышко пришло тихонько на дом
И ладонью тронуло лицо,
Чтобы холодок скользнул за плечи,
Кран стрельнул упругою водой,
Чтобы улыбнулся первый астречный,
Даже если он совсем седой.
Чтоб курились заспанные трубы,
Завивалась стружка над станком,
Чтобы старый друг остался другом,
А табак остался табаком.
И ещё: уйти в такое место,
Где над речкой — тонкий свист стрижа,
Где берёзки — бледные невесты —
На закате ласково дрожат,

Где гармошка весело и нежно
Перебор рассыплет у села
И, поднявшись в розовое небо,
Падают в хлеба перепела.
И мигают звезды часто-часто,
Чаще стука сердца моего.
Я тогда бываю очень счастлив,
Просто так. Не знаю, отчего.

НАПРЯЖЕНИЕ МАРТА

Стекают зябкие туманы
По струнам мартовских берёз,
Под воспалёнными домами
Круги печальные от слёз.
Во всём неясная тревога,
И воздух голову кружит,
И почерневшая дорога
От напряжения дрожит...
А ветер бродит отрешённо,
По окнам тросточкой стуча...
И ждёт земля насторожённо
Удара первого луча!

О ЧЕМ ШЕПТАЛИ ВЕТВИ СТАРОГО ДУБА

— Вот здесь, где ветер завывал,
Неутомимо год за годом
Я завоёвывал свободу
И наконец завоевал...
Завоевал! Отныне не был
Моим судьёй проклятый зной,
Уже не я стоял под небом —
Оно висело надо мной...
И думал я, гордясь собою,
Прохладой потчуя гостей,
Что я воистину свободен
От суеты земных страстей...
Но вот однажды в нашу рощу
Зайчишка выпрыгнул дрожа...
Завоевать свободу проще,
Куда труднее удержать,
Когда за то лишь ты в ответе.

Что родился на белый свет,
И самый страшный зверь на свете
Идет по следу — человек...
С печальным криком отлетела
Святая заячья душа,
И было вывешено тело
Поверх всего патронташа...
Я видел: смерть сгибала многих,
Но чтобы так, среди бела дня?..
О, если б корни были — ноги,
А ветви — руки у меня!
Уж я бы драл, как лыко, шкуры
Со всех охотников живьём,
Чтоб не размахивали сдуру
Своим безжалостным ружьём!
Но что я мог? К какому богу
Моя молитва донеслась?
Зачем досталась мне свобода,
Когда у вас осталась власть?
И ты пришёл сейчас с народом,
Топор припрятав здесь в кустах...
Ты — человек, а я — природа...
Руби под корень, если так!

* * *

Утро странное. Утро тихое.
Травы белые от росы...
Я прицелился, слышно — тикают
На руке у меня часы.
Я прицелился — и ни шороха,
Хоть бы капелька от дождя!
Ничего... Только пахнет порохом
От пристрелянного ружья...
Точно, в голову, я прицелился!
И не станут меня судить,
У меня на руках лицензия —
Разрешается мне убить!
Мной законы не нарушаются,
Я бумажку такую взял:
Мне оленей бить разрешается,
А меня — никому нельзя...

Почему же так мало ценится
Человеком оленья жизнь?
Почему я сейчас прицелился,
А рука моя не дрожит?
Наплевать мне на эти ребусы,
Без того наша жизнь сложна.
Вот сейчас разлетится вдребезги
Эта странная тишина!
Не спасут его ноги быстрые —
Пуля миловать не должна...
Я прицелился... И — не выстрелил...
Мне лицензия не нужна.

* * *

Я лесом шёл... Осенним светлым лесом.
Стучали всюду дятлы: тук, тук, тук...
Как будто заколачивали лето
В большой, обитый золотом сундук.
Малинника отточенные стрелы
Раскачивались тихо на ветру.
И солнце не горело, только грело,
Едва-едва поспевшее к утру.

* * *

Вставайте, вставайте, вставайте!
Тесовую дверь открывайте,
По тёплой тропинке лесной
Идемте скорее за мной.
Я знаю такую поляну,
Где сосны горят поутру,
Где сумрак, гудящий шмелями,
Подобен большому костру,
Где мечутся сойки по веткам,
Тревожно сквозь пламя крича,
И первые капли рассвета
Стекают смолой кедрача...
Мы сядем рядком на опушке,
И, может, опять, как вчера,
По третьему знаку кукушки
Погаснет багрянец костра,
И солнце, огромное солнце,

Полнеба собою закрыв,
Взойдет, протекая сквозь сосны,
На гребень высокой горы
И вдаль зашагает по кругу
На светлых тростинках лучей.
И дружно ударят по струнам
Сто тысяч лесных скрипачей!
И к нашей таёжной избушке
Луч солнца скользнёт озорной...
Вы слышите? Это — кукушка.
Идёмте скорее за мной!

ГРУСТНОЕ

В последний раз за много лет
Мне стало легче и теплее...
Я об одном сейчас жалею —
Что мало прожил на земле.
И снова те сверкнули миги
В усталой памяти моей,
Когда я верил каждой книге
И слову каждому друзей,
Когда, в лесу укрывшись на день,
Спускался вечером к реке
И поджидал у клуба Надю
В цветастом ситцевом платке.
Когда в огне ночей весенних,
Смела, проворна и легка,
Стихи, не признанные всеми,
Чертила юная рука.

* * *

Негаданно слетевшись на дворы,
Кричали галки над последним снегом...
Казалось, где-то сталкивались в небе
Тяжёлые стеклянные шары.

А ветер почерневшую листву
Перебирал на высохших дорогах,
И жгли до поздней ночи в огородах
Мальчишки прошлогоднюю ботву.

Потом всю ночь, как роца на ветру,
Задумчиво шумел апрельский дождик,
И всё вокруг, как истинный художник,
Он перекрасил заново к утру...

Ты утром распахнул окно и вскрикнул:
Трубил журавль в серебряный рожок,
И выводил скворец на жёлтой скрипке
Весеннюю сонату «до мажор»!

* * *

Юре

Сегодня снег всё падает и падает
Без перерыва, с самого утра...
Не от обид,— я не держу их в памяти,
Я память сохраняю для добра,—
А оттого, что, залетая в сени,
Кружится снег, весёлый белый снег,
От тихого холодного веселья
Сегодня одиноко стало мне.
Вздыхает печь с железными заплатами,
Товарищи уснули долгим сном,
И заяц, с перебитой дробью лапой,
Задумчиво уставился в окно...
А снег идет. Всё валится и валится,
Вдоль просеки воронками кружит,
И черный лес спокойно одевается,

Как на зимовку керженский мужик.
Охотники храпят по лавкам дружно,
Просматривая радостные сны,
И полдесятка воронёных ружей
Стоят насторожённо у стены...
Я знаю, завтра, ёлочки срезая,
Ударят ружья друг за другом вслед
И упадет разбитый дробью заяц,
Весёлый заяц, на весёлый снег!..

* * *

Колесо этой старой мельницы
Лопастями вросло в песок.
Мне не верится, что не вертится
Это самое колесо.
Здесь когда-то ходили лешие,
Мы своими ушами слышали,
По ночам они звёзды вешали
Над соломенными крышами.
Здесь летали ведьмы на вениках,
Заметая свои следы,
Хохотал над ними, над ведьмами,
Старый филин на все лады.
Здесь русалки венки сплетали,
Водяные запруду штопали,
Здесь деревья цвели цветами
И о чём-то шептались — шёпотом...

А над всем этим дико ухало,
Перемальвая песък,
Острозубое,
Толстобрюхое,
Всемогущее колесо!
Это было... Мы видели, слышали.
Та же мельница. Тот же песок.
Но прибили антенну над крышами
И скворечник на колесо.

* * *

Никогда без ума
От любви к марсианам я не был.
Я — поклонник Земли,
И вчера, в наказание греха,
Мне приснилась зима
Без единого пятнышка снега.
Люди в валенках шли,
Люди кутали лица в меха,
Исчезали во мгле,
Появлялись внезапно, как с неба,
И один за другим,
Растянувшись на четверть версты,
Снова шли по земле
Без единого пятнышка снега..
И скрипели шаги,
И дымились их влажные рты...
Я глаза приоткрыл:
Как мой сон был преступно спокоен,

Вдруг случилась беда
Наяву... Наяву, не во сне!
Может, атомный взрыв,
Может, правда, случилось такое,
Что уже никогда
К нам на Землю не выпадет снег?
Или этот «орел»,
Что со мной проживал по соседству
И невесть почему
Над наукой о небе потел,
Наконец изобрел
Ультраснегозащитное средство
И в Главнебе ему
Оформляют на это патент...
Потрясённый, к окну
Я шагнул и рванул его настезь:
Неужели еще
Кто-то смог наяву, не во сне,
На такое рискнуть!

* * * * *

О, какое великое счастье —

На огонь моих щек

Падал мокрый, взволнованный снег!

* * *

Неужто все-таки с годами
Мир поумнеет до того,
Что вновь от Евы и Адама
Начнётся летопись его
И всё, что создано веками,
На камни прахом упадёт,
И народится новый Каин
И снова Авеля убьёт?
Пусть это — вздорный бред поэта:
Планета в пепле и дыму...
Но кто ответит нам за это?
А впрочем, спрашивать кому?..
О, нет, не только над Россией
Нависла страшная гроза,
Пусть каждый взглянет Хиросиме,
Как смерти собственной, в глаза!

ОСЕННЕЕ

Дмитрию Ковалеву

Разгуливает осень по дворам
В багряном шутовском своём наряде...
И этот стук могильный топора
Не просто так, весёлой шутки ради.
В нём многое сейчас заключено,
Он сердце наше ранит не случайно:
Войди в леса — там пусто и темно,
Пойди в поля — там зябко и печально...
На всем печать покорности видна,
Молчат леса, гуляют ветры в поле...
Проиграна осенняя война,
Горит листва, уходит зверь в подполье.
Лишь сосны, всем смертям наперекор,
Вершат вечнозелёное волнение.
Так вот он почему стучит, топор,

Он приговор приводит в исполнение!
Не зря на топориный этот суд
Шутом багряным вырядилась осень,
И тишина зловещая в лесу
Взрывается предсмертной песней сосен!
Вот рухнула ещё одна сосна,
В пролом за ней рванулся ливень света!
Учи, топор, ещё придет весна!
Все звери и деревья знают это.

СОНЕТ

Когда б судьба мне власть дала,
То всюду, поздно или рано,
Я перебил бы зеркала
За их безжалостную правду!

Прекрасный юноша, не верь
В своё нарциссово цветенье,
Уже тобой открыта дверь
В тот мир, где ты простишься с тенью.

Достойный старец, не страшись
Иссохших плеч и жёлтой кожи,
Что даст тебе иная жизнь
Сверх той, что ты достойно прожил?..

Лишь ты, красавица, всегда
Себя осматривай без лени,

Чтоб ни единого следа
Не оставлять от преступлений!

Я, отступив от общих правил,
Тебе лишь зеркало б оставил,

* * *

О, странный день! Сиренное утро
Переполюняло радостями грудь,
И всё вокруг казалось почему-то
Похожим на волшебную игру.

Потом пришел на смену тучный полдень,
Он зноен был, беспечен и спесив,
И, красками восточными наполнен,
Он был самоуверенно красив.

Но вот ступил на сцену душный вечер,
Актеры удалились в сень кулис,
И грустные неоновые свечи
Вокруг меня торжественно зажглись...

И вздрогнул я, свою увидев тень,
И понял я, что снова умер день.

* * *

У самой тайги на опушке,
Окном на деревню кося,
Стоит одиноко избушка,
От времени чёрная вся.
Вокруг ни плетня, ни оградки,
Давно тут никто не ходил.
Травую заросшие грядки
Ютятся рядами могил...
В погожее прошлое лето,
Спеша на закате домой,
Близ этой избушки из леса
Ходил я тропинкой прямой,
И только взгляну на избушку,
С её невысоким крыльцом —
Сидит за куделью старушка
С задумчивым ясным лицом..

Я сдвину картуз на макушку:
— День добрый! — ...И тронув станок,
Всегда отвечала старушка:
— Ступай себе с миром, сынок.
А нынче по снегу без толку
С утра я за зайцем петлял,
И были голодные волки
В ступишинских голых полях.
Стемнело... Впервые со страхом
Спешил я уйти с этих мест...
И вдруг мои лыжи с размаху
Уткнулись в берёзовый крест.
Я голову поднял — неужто
Сменилась тропинка в тайгу?
Избушка... Всё та же избушка
Стояла по окна в снегу!
Безмолвное лунное поле,
На нём ни огня, ни следа...
Уж, видно, по собственной воле
Никто не заходит сюда,
Хотя бы лесник для порядка
Поставил оградку... Увы!
Никто не поставил оградки...
И, шапку стянув с головы,

— День добрый! — сказал я послушно,
Кресту поклонившись у ног...

И мне отвечала старушка:

— Ступай себе с миром, сынок.

Не все быльем с годами поросло...
Порою, точно Русь за образами,
Забывтое таёжное село
Отчётливо встаёт перед глазами:
Доносятся негромкие слова
От рыбаков, у озера, в тумане,
И шелестит пожухлая ботва,
И дрозд скворчит в полыневом дурмане,
И видится: снопы в полях лежат,
Под колос перехваченные туго,
И бабочки-капустницы кружат,
Как белый снег, над потемневшим лугом,
И за гору уходят облака,
Уходят, как и мы, неповторимо...
И времени прохладная рука
Щеки моей касается незримо...

И станет мне покойно и легко:
Видать, не зря страдалось и мечталось,
Коль вздорное — быльём позаросло,
А дорогое — на сердце осталось.

* * *

По свежерубленным осинам
Текли с навеса ручейки...
И стало мне невыносимо
В избушке шорской от тоски.
Горели щеки. Руки стыли.
И я взирал, как скучный гость,
Сквозь окон прорези пустые
На небо, серое насквозь.
Но вот стемнело. Каждый шорох
Стал проникать в меня живьём.
И я внимательно, как шорец,
Впервые осмотрел жильё.
Потом фитиль в долблёной плошке
Лучинкой тоненькой зажёлг
И вырезать из чурки ложку
Принялся стареньким ножом.

И чурка сочно захрустела,
И вздулся шарик на скуле.
И тень моя легла на стену
Рисунком шорским на скале.

* * *

Все кончено. Ни горя, ни заботы
Отныне нет. Я вольностью дышу.
Пускай другие пишут для кого-то,
Я для себя стихи теперь пишу...
И чтоб ничья корова не мычала,
Что я и жнец, и на дуде игрец,
Я заявил, что в том моё начало...
А сам подумал: это же конец.

* * *

День отгорел. Закат румяна смыл,
Скользнул за горы августовский вечер,
И над домами белые дымы
Стоят, как перевёрнутые свечи,
Мрачнеет леса ближнего стена,
Туман над ним парится светлым чубом.
И тишина... Такая тишина,
Что кажется, вот-вот свершится чудо!
Но вот зажглись росинки на траве,
Метнулись чьи-то тени по заборам,
И, раздвигая кружево ветвей,
Волшебница луна взошла на горы
И узеньким серебряным лучом
Пощекотала мрачную громаду.
И, звёздный плащ откинув на плечо,
Лес заиграл ночную серенаду!

* * *

Снилось мне, что бабушка Арина,
Дальняя по матери родня,
Мне клубок волшебный подарила
И впридачу белого коня.
Зацветало поле зорькой маковой,
Псом лизался побоку туман,
Я скакал, скакал, клубок разматывал,
Размотал и вижу — терема...
Как они сверкали, терема-то те!
А над черепицами коньков
Возлежало солнце девой-матерью
На перине свежих облаков...
А когда, мечом о щит ударивши,
Я сошел торжественно с коня,
Терема, как старого товарища,
Хлебом-солью встретили меня.

Ни о чём никто меня не спрашивал
(Нешто можно спрашивать гостей?)
От ворот ковёр катили стражники,
Встречно пели трубы с белых стен...
Я стоял у входа в это чудо,
Я стоял, того не замечал,
Что сползла с груди моей кольчуга,
Что к ноге скользнул с бедра колчан,
Что давно мой конь уже расседлан,
Метит глазом в ближний огород...
На меня со стен, прервав веселье,
Грустно, как Христос, смотрел народ...
И, как воин, вышедший из плена,
Я, глаза ладонями прикрыв,
Стал перед народом на колени
И заплакал радостно навзрыд!..
И тогда опять запели трубы
И улыбки вспыхнули тогда,
И ушел я в город солнцелюбов
По ковру-дорожке навсегда.
Этот сон я навсегда запомнил,
Тяжелее не было утрат,
Помню: я тогда проснулся в полночь
И тихонько плакал до утра.

Ну, а где-то кошка до рассвета
Маялась у ветки с соловьем...
Каждому из нас на этом свете
Снилось счастье. Каждому — своё.

* * *

Не огорчаюсь собственной судьбою
И зависти на сердце не ношу...
Ведь я богат.. Я так богат тобою,
Что большего от жизни не прошу.

Достойнее меня найдутся люди,
Но ты не порывайся к ним в мечтах,
Поверь: как я, другие не любят,
А если и любят, то не так.

И в час, когда мечты твои прозреют,
Ты не сумеешь счастья обрести —
Они тебя любовью не согреют
И не простят того, что я простил.

Пока живет любовь на белом свете,
Есть здравый смысл в Ромео и Джульетте.

* * *

Расколото небо громом.
По стеклу ручьи поплыли.
С тихим всплеском, монотонно
Капли лужи засверлили...
По проспекту — просто море!
От машин — фонтаны брызг...
На жестяном светофоре
Угол радуги повис.
Всюду зонтики, накидки,
Только двое — просто так.
И невольные улыбки
У прохожих на устах.
Дождь — не дождь, смеются оба!..
Май на улице шумит!
Ну, погода, как погода,
Только дождик моросит.

САРБАЛА

И. С. Ярошенко

Есть полустанок. Сад с берёзами.
Вход на перрончик со двора.
Доска от времени белёсая,
На ней эмалью: «САРБАЛА»...
С подножки прыгаю на гравий,
Пыхтит уставший паровоз,
И точно местный, равноправно
Берусь за пачку папирос.
Шарахнулись от шпал ромашки,
И — снова замер перегон...
А из травы плывет домашний,
Знакомый с детства перезвон...
Иду легко. Пожалуй, слишком.
А вот и дом, железом крыт.

Как золото, огромным слитком
На крыше солнце возлежит!
Калитка скрипнула протяжно,
Шагнул хозяин от крыльца
И руку, вытерев, протягивает,
Ничуть не изменив лица.
И, распрямив в калитке плечи,
Уже бросает на ходу:
-- Ты подожди, корову встречу,
Сбросаю сено и приду...
Скатилось розовое солнце
За белый плёс, под птичий свист...
И зацепившийся за сосны
Луны щербатый диск повис.
О, сколько звёзд опять на небе!
Ты как нарочно собрала
Все шорохи, всю быль и небыль
Сюда, ночная Сарбала!
В кустах запуталась речонка,
В осоке дремлют пескари,
И словно детская ручонка
Шевелит волосы мои...
Конечно, зло большое — выпить,
Когда на это нет причин.

А тут хозяин пробку выбил,
Раз — по стакану! И — молчим...
Без слов порой бывает трудно,
Без собеседника невмочь...
А тут — молчим. И полной грудью
Как будто пьем густую ночь...
Так и сидим, дымим напару.
И он в глаза мне заглянул:
— Ты, если только сможешь, Павел,
То напиши про Сарбалу!

Когда я остаюсь один в беде
И замкнут круг, и некуда мне деться,
Я ухожу в тот августовский день,
В таёжное малиновое детство...
В печальную мечтательность осок,
В погоню стрекозы за синей тенью...
О, как он был торжественно высок,
Тот вечный день, пронизанный цветением!
В таинственно рождённые ключи
Задумчиво роняли иглы сосны,
И солнце улыбалось.. И лучи
Волнистые дымились вокруг солнца...
И зажигало сумрак пихтача
Весёлое рябиновое пламя,
И жалобно, по-заячьи крича,
Кружился коршун медленно, как планер...

Ни облачка не виделось нигде,
Был августовским солнцем день просвечен,
И всё казалось вечным в этот день,
И даже я себе казался вечным,
Неуязвимым всяческой беде
И счастьем не обязанный кому-то...
Вот почему в тот августовский день
Я ухожу в тяжёлую минуту.

* * *

В тридцатый раз скворцы ко мне вернулись,
Черемуха цветёт в тридцатый раз...
Я перед каждой девушкой волнуюсь,
Я каждому листку на ветке рад!
Не знаю я, откуда эта радость,
В каких она хранится тайниках,
За тридцать лет привыкнуть уж пора бы,
А я привыкнуть не могу никак,
И я дождям и солнцу удивляюсь
И жду скворцов с тревогой по весне...
Я с каждым годом в жизнь сильней
влюбляюсь,
Волнуюсь с каждым годом всё сильней.
А может, правда, всё намного проще:
От смерти никуда не убежишь,
И если жизнь становится короче,
Сильнее этой жизнью дорожишь?

Но почему тогда мы не жалеем
Во имя жизни даже головы?
Не знаю, почему, но всё сильнее
Волнуюсь я, влюбляюсь я...
А вы?

СОДЕРЖАНИЕ

«Я по улице старого прииска...»	5
«Когда зима входила в наш посёлок...»	7
«Поутихли скворцы в огороде...»	9
«Мы не всегда идем к желанной цели...»	11
«Мы с тобой боязливо стареем...»	12
«По зову чести, совести и правды...»	13
Автобиографическое	14
Лотерея судьбы	17
Горновой	19
Баллада о комиссарском кубике	21
«Как встречает нас Москва белокаменная...»	23
«Я революции не делал...»	24
«При помощи седого парика..»	25
«Спасибо, одиночество, за правду..»	27
«Он стоит, математик...»	28
«Мы на мечту порой летим отважно...»	30
Самокритичное	34
«Пегасу что? Поэты ж — смертные...»	36
«В частокле синих сосен...»	38
«Как в прочитанном романе...»	39
«Ах, красавица невеста...»	41

«Люди тоже всякими бывают...»	43
Послебольничное	44
Амурская история	45
«Женщина ничем не выделялась...»	47
«Ярошенкова тётя Паша...»	49
«А случилось однажды вечером...»	51
«На черте своих высоких комнат...»	52
«В ту ночь прошли по городу дожди...»	53
«Не терзала нас разлука...»	55
«Я думал о тебе бессонными ночами...»	56
Времена года	57
Январь	57
Апрель	57
Май	58
Октябрь	58
Сарбалинская рэпсодия	60
«Там сейчас уже солнце садится...»	63
«Наш дом стоял на берегу тайги...»	65
«Страшнее всех стихийных бедствий...»	67
«Случится это раз в году...»	69
«Бывало сядем на скамейку мы...»	71
«Снег на улице! Снег на улице...»	72
«От стылого ветра спросонок...»	73
«Солнце за гору опускалось...»	75
«Иногда мне ничего не надо...»	76
Напряженье марта	79
О чем шептали ветви старого дуба	80
«Утро странное. Утро тихое...»	82
«Я лесом шел... Осенним светлым лесом...»	84
«Вставайте, вставайте, вставайте!...»	85

Грустное	87
«Негаданно слетевшись на дворы...»	88
«Сегодня снег всё падает и падает...»	90
«Колесо этой старой мельницы...»	92
«Никогда без ума...»	94
«Неужто все-таки с годами...»	96
Осеннее	97
Сонет	99
«О, странный день! Сиреневое утро...»	101
«У самой тайги на опушке...»	102
«Не все быльём с годами поросло...»	105
«По свежерубленным осинам...»	107
«Все кончено. Ни горя, ни заботы...»	109
«День отгорел. Закат румяна смыл...»	110
«Снилось мне, что бабушка Арина...»	111
«Не огорчаюсь собственной судьбою...»	114
«Расколело небо громом...»	115
Сарбала	116
«Когда я остаюсь один в беде...»	119
«В тридцатый раз скворцы ко мне вернулись...»	122

**Павел Николаевич
Майский (Мертвецов)**

**САРБАЛИНСКАЯ
РАПСОДИЯ**

С т и х и

Редактор *И. Ниселев*

Ведущий редактор

Т. Махалова

Художественный редактор

Г. Кравцов

Технический редактор

Г. Адова

Корректор *Т. Трусова*

Сдано в набор 24.XII.71 г. Подписано
к печати 31.III-1972 г. Формат 84. 1081/с4

Бумага типографская № 2
Усл. печ. л. 3,36 Уч.-изд. 2,55
Тираж 5000. ОП00779. Цена 26 коп.
Заказ 12267

Кемеровское книжное издательство,
Кемерово 99, Ноградская, 5.

Полиграфобъединение «Томь»,
Кемерово 99, Ноградская, 5.

26 коп.

КЕМЕРОВО 1972